

ЕСТЬ НЕ ОДИН СПОСОБ ПОПАСТЬ НА КОНЦЕРТ в Большой зал консерватории студентам, преподавателям, научным работникам и прочей интеллигентской "шантрапе", кои никак не хотят смириться с вдруг возникшей для них недоступностью наслаждения хорошей музыкой. Без этого, так же, как без обмывания мнениями о мастерстве игры и сущности прочтения исполняемых сочинений, и жизнь им не в жизнь. Оттого даже на самых "престижных", а потому весьма дорогих концертах камерной и симфонической музыки взгляд тут же выхватывает этих верных рыцарей звуковой палитры, завсегда таево концертных залов, чем-то при всем их различии неуловимо схожих между собой, что выделяет их из скопления новой "приличной" публики, фланирующей по фойе. Да и немудрено. Не забыты еще те времена, когда любой слушатель, было бы желание, мог припасть к тому всеобщему источнику постижения жизни, имя которому Музыка. Ее жрецов, музыкантов Божьей милостью, отбирали тогда из самых разных слоев народа огромной нашей страны, коль скоро была в них искра таланта, жило стремление служить Музыке. Потом их долго, заботливо пестовали в специальных школах при всемирно известных консерваториях, знаменитых своими традициями и учителями. Так росла слава русской музыкальной исполнительской школы, расцветало творчество композиторов, чьи выдающиеся достижения в веке XX вошли в сокровищницу мировой музыкальной культуры.

Подобный путь прошел и один из самых известных музыкантов современности Михаил Плетнев, соединивший в себе таланты пианиста, дирижера и композитора. В возрасте 13 лет Михаил был переведен из Казанской специальной музыкальной школы 10-летки, где он с 7 лет учился по классу фортепиано, в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, в класс Евгения Михайловича Тимакина, которого с тех пор почитает одним из главных своих учителей. Помимо очевидной музыкальной одаренности, Плетнева сызмала отличали два немаловажных для творческого человека свойства: умение самозабвенно трудиться и независимость в суждениях и мыслях. Последнее было настолько ярко выражено, что нередко выглядело как неуступчивость. В 17 лет (1974) поступив в Московскую консерваторию в класс профессора Якова Владимировича Флиера, он так упорно отстаивал свое прочтение той или иной музыкальной пьесы, что Флиер как-то заметил, что на одно занятие с этим юношей он тратит столько же сил и нервов, сколько на два своих сольных концерта. Но именно эта самость и независимость были причиной того, что с юных лет

России. Но в год основания РНО наша страна переживала острейший кризис. Вся сложившаяся за время Советской власти система организации культуры, в том числе в области музыкального искусства, рушилась на глазах. Государство не в состоянии было содержать на должном уровне даже крупные, давно и успешно играющие оркестры. И потому невольно возникал вопрос, зачем в таких невероятных условиях создавать новый симфонический оркестр, рискуя при этом высокой репутацией неординарного музыканта? Но Плетнев не был бы Плетневым, если бы отступил от выношенного решения. При организации РНО он избрал непроторенный тогда путь создания независимой творческой некоммерческой структуры, основу которой составляют не государственные субсидии, но поддержка общественности. Был избран Попечительский совет, куда вошли несколько крупных российских и зарубежных компаний. При этом наряду с гастрольными поездками на Запад РНО с самого начала стал выступать и в российской провинции, организовав волжские туры, которые регулярно продолжают до наших дней. Сбылась давняя мечта Плетнева. Создавая РНО, он сказал: "Я не оставляю рояль, мне просто нужен инструмент большей мощности".

Действительно, с помощью этого инструмента Плетнев сумел сделать в музыке то, что раньше, имея дело только с роялем, был не в состоянии. Считанное время понадобилось ему, чтобы вывести РНО в число лучших оркестров мира, чтобы оркестр получил широкое международное признание. В полной мере раскрылся талант Плетнева-музыканта. Его интерпретации симфонических сочинений непредсказуемы и свежи. Неудивительно, что его приглашают дирижировать крупнейшие оркестры мира. Бывали случаи, когда Плетнев выступал в роли дирижера и солиста одновременно. Однако, как и в начале музыкальной карьеры, определяющими для него являются не слава и успех, главным всегда остается Музыка. Так, чтобы глубже понять мятущуюся лиру Чайковского, он задумал, как и на рояле, сыграть с оркестром все его симфонические сочинения. Фирма "Deutsche Grammophon" записала на компакт-дисках исполнение РНО под управлением Плетнева все шесть Симфоний композитора, "Итальянское каприччио", "Манфред", увертюры-фантазии "Ромео и Джульетта", "Гамлет", фантазии "Буря", "Франческа да Римини", "Торжественную увертюру 1812 год". С Плетневым Российский национальный оркестр незабываемо сыграл 9 симфонию Бетховена, "Орестею" и кантату "Иоанн Дамаскин" Танеева, симфонические картины "Баба Яга" и "Кикимора" Лядова, да мало ли что еще.

Но не все задуманное осуществлено. В начале сезона 1999-2000 гг. Михаил Плетнев неожиданно для многих заявил о решении сложить с себя полномочия художественного руководителя и главного дирижера своего любимого детища — РНО, мотивы чего до конца не ясны до сих пор. Какие силы, какие закулисные действия подвигли его на это? Можно лишь догадываться. Явно одно: главным дирижером и художественным руководителем РНО стал вернувшийся в Россию после длительного зарубежного турне, всю раскручиваемый масс-медиа скрипач Владимир Спиваков, как дирижер, имевший до того дело в основном лишь с камерными оркестрами. С самого начала взаимоотношения нового главного дирижера и ведущей группы музыкантов РНО не заладились. Да и не удивительно. После привычного интеллектуального осмысления каждой играемой вещи, неординарных открытий, которые Плетнев находил в совместной с оркестрантами работе, что давало им чувство сопричастности творчеству и потом, на концерте, передавалось слушателям, весьма заурядное исполнение. Убедившись в этом, артисты РНО повели себя "неблагодарно" по отношению к маэстро Спивакову, на которого, в свою очередь, "отсутствие воздуха в оркестре действовало гнетуще". В результате такого тихого неблагополучия в жизни оркестра, три года спустя, по настоянию коллектива должность главного дирижера РНО была упразднена, а управление им передано Дирижерской коллегии, образованной из крупных зарубежных и российских мастеров, связанных с ним творческими узами. Место в коллегии было предложено и Спивакову, но он отказался "стоять в дирижерской очереди между Нагано и Берглундом". Что ж, подобное не ново под луной. Еще Марк Аврелий предпочитал свои ошибки чужим достоинствам. Для маэстро Спивакова в спешном порядке был создан новый оркестр с перелицованным из РНО названием — Национальный филармонический оркестр России. И моральная компенсация этой, в общем незавидной для авторитета музыканта ситуации, не заставила себя долго ждать. Спиваков на сегодня — еще более раскрученная масс-медиа фигура. Ведь он — не только руководитель двух оркестров, Национального филармонического и камерного "Виртуозы Москвы", но и президент Международного дома музыки, что делает его как бы распорядителем этого огромного недавно построенного музыкального центра. А в оставленном им РНО все вернулось на "круги своя". Его художественное руководство вновь, как и прежде, возглавил Михаил Плетнев. Публика опять валом валит на концерты, а струнники по окончании игры легким постукиванием смычков по пюпитрам выражают восхищение музыкальным гением своего руководителя.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МИХАИЛА ПЛЕТНЕВА был бы неполон, если хотя бы вскользь не была помянута его композиторская деятельность. Кроме мастерски сделанных переложений для фортепиано сюит Чайковского из музыки балетов "Щелкунчик" и "Спящая красавица", переложения для кларнета Скрипичного концерта Бетховена, оркестровок фортепианных концертов Шопена, которые появились на свет в связи с запросами исполнения, он успешно пишет и новую музыку. Триптих для симфонического оркестра, Фортепианный квинтет, Фантазия на казахские темы для скрипки с оркестром, Каприччио для фортепиано с оркестром, Классическая симфония в 4-х частях, Альтовый концерт — вот основные его сочинения, не упомянуть о которых нельзя. Он интересуется многими: философией, литературой, театром, увлекается джазом, хорошо разбирается в технике, владеет английским, французским, немецким, итальянским и испанским языками, чьих авторов предпочитает читать в подлиннике. Эта многогранность и широта интересов и умений, сравнимая с тем, что по рутинности нашего мышления мы привыкли относить лишь к исполнителям духа эпохи Возрождения, без сомнения, находит отражение в его игре на рояле и в управлении оркестром. Его музыкальное творчество питается глубиной и полнотой его личности. Он — крупнее человек, и потому интереснее как музыкант. А все его награды у нас и за рубежом, типа лауреатства премии Award-1996 — "Лучший пианист года" (!?) или российского ордена "За заслуги перед отечеством" IV степени (1997) (!?), лишь подчеркивают суету и нищету духа сегодняшней массмедийной цивилизации, которая во главу угла ставит цифру и степень, счет и сравнение, ценит все по законам рынка и упускает из виду самое важное и главное, что есть в жизни и в человеке.

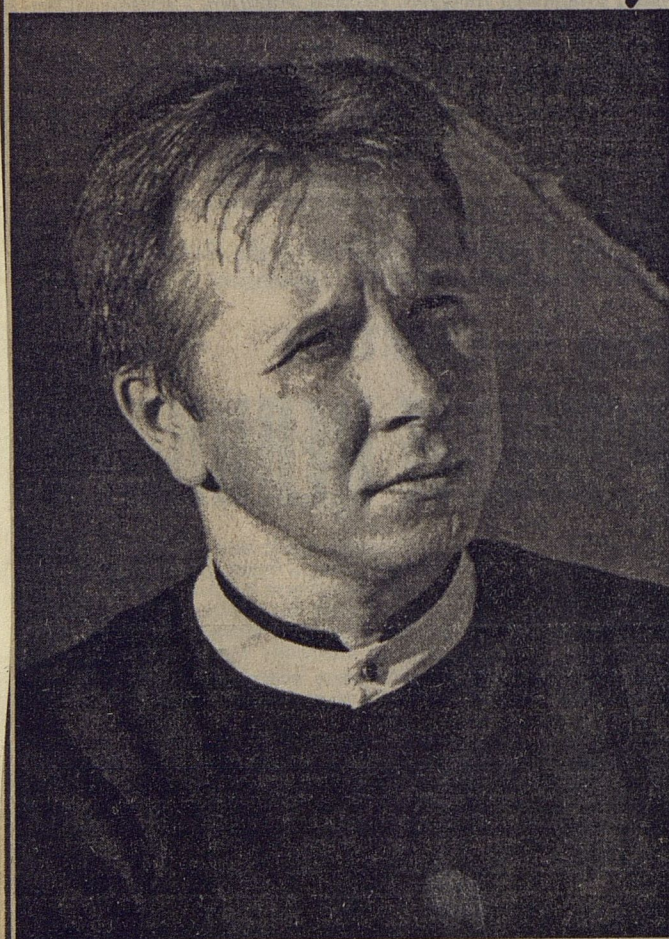
Эти заметки о музыканте Михаиле Плетневе родились благодаря двум вечерам в Большом зале консерватории, которыми он одарил слушателей в конце ноября, сыграв вместе с Российским национальным оркестром, управляемым на сей раз молодым латышским дирижером Андрисом Нелсонсом, свою Шопениану, посвященную любимому учителю Евгению Михайловичу Тимакину. В эти два вечера он исполнил оба Концерта для фортепиано с оркестром, ми минор и фа минор, задуманные совсем еще юным, не достигшим 20-ти летнего возраста Шопеном в Варшаве, и 24 Прелюдии для фортепиано, созданные в Пальме де Мальорке уже зрелым, но имеющим за плечами всего 27 лет жизни композитором, куда его отчаянно большого привезла Жорж Санд. Описывать игру большого музыканта, который исполнял музыку одного из величайших романтиков фортепиано, дело благодарное. Здесь, как нигде более, — к месту слова Кортасара, сказанные им об одном великом дракхисте: "всякая критика, увы, — это скучный финал того, что начиналось, как ликование". Потому лишь замечу, что оркестровку Плетневым концертов Шопена хочется охарактеризовать одним лишь словом — целомудренная. Она, как ювелирная оправка, сделанная не в броской манере Фаберже, а в чистом изысканном стиле Бенвенуто Челлини, полно раскрыла редкостные богатства мелодики концертов Шопена, сочиненных под влиянием первого романтического чувства к Констанции Гладковской. Что же касается 24-х Прелюдий, которые Плетнев не играл на публике больше десяти лет, то в его нынешней трактовке печаль их светла и, не побоимся сказать это, революционна. Сейчас принято не поминать высказываний Шопена о том, что романтизм смешон, когда становится данью моде, что он хорош только тогда, когда отражает борьбу народа за свою национальную судьбу и национальную свободу. И вот, в исполнении Плетнева перед нами предстал не Князь безысхода, как величал Шопена Пруст, что есть распространенная французская трактовка его творчества, а борец и патриот, славянин, вынужденный в силу принятого на себя долга оставаться в эмиграции, чья трагическая борьба завершается победой, если не в жизни, то в музыке, которую Шуман недаром назвал "пушки в цветах". За свет этой интерпретации, близкой нам, русским, и мастерство ее воплощения любители музыки устроили Плетневу настоящую овацию, так что в первый вечер он с редкостью готовностью дважды сыграл Концерт №1, слева направо и справа налево, а во второй — с удовольствием повторил две последние части Концерта №2.

Творчество Плетнева — всеобщее наше достояние. Его повсеместно растущая слава — свидетельство признания его музыкального гения, отраженная волна наших чувств, а не закулисные решения правящих бал. Оттого и слава эта имеет благородный оттенок. Как радостно читать в интернете заключительные строки биографической справки о нем: "Живет и работает в Москве".

Елена АНТОНОВА

Завтра — 2004. — ген. (1451). — с.8

СПАСИБО,

МАСТЕР!

Штрихи к портрету
Михаила ПЛЕТНЕВА

игра Плетнева, чуждая внешним эффектам, вызвала интерес своей трактовкой, своими открытиями. При внешней сдержанности, даже аскетизме поведения на сцене в его игре всегда ощущаются неподдельная страстность, биение самоуглубленной, пытающейся выразить себя в звуках мысли. При этом его техническое мастерство таково, что даже в самых виртуозных пассажах при раскованной полетности целого каждая нота пропевает свою партию, каждая слышится наособицу, что создает удивительной красоты и совершенства музыкальное полотно, как бы сплетенное из отборных жемчужных нитей. Эти качества не могли остаться незамеченными. Еще учась в ЦМШ, Плетнев был удостоен Гран-при на Международном юношеском конкурсе в Париже (1973). В 1977 году он получает Первую премию на V Всесоюзном конкурсе пианистов в Ленинграде, а через год (1978), занимаясь уже с Львом Власенко, сменившим Флиера (Я.В. Флиер умер в декабре 1977 г.), — Первую премию и Золотую медаль на VI Международном конкурсе пианистов имени П.И. Чайковского в Москве. Один из членов жюри конкурса Чайковского сказал: "У Плетнева сильный музыкальный ум, широкое мировоззрение.... У него — тот баланс сердца и ума, который так необходим музыканту".

Победа на конкурсе имени Чайковского стала началом неуклонно растущей мировой известности Плетнева-пианиста. Его пианистический багаж огромен и продолжает все время пополняться. Все фортепианные сочинения богатейшего им П.И. Чайковского, произведения Скрябина, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича соседствуют с Бахом, Скарлатти, Гайдном, Моцартом, Бетховеном, Листом, Шопеном, Шуманом, Григом. Фортепианный альбом с записью сочинений Скарлатти (EMI — Virgin Classics, 1996), по мнению Music Magazine ("Gramophone"), "самая прекрасная игра, какая только может быть. Одного исполнения Скарлатти было бы достаточно, чтобы обеспечить Плетневу место среди величайших пианистов всех времен". Таких восторженных отзывов на Западе об игре Плетнева — тьма. Но это не кружит ему голову. Он по-прежнему целеустремленно, много, в тишине и одиночестве трудится: служит Музыке, открывает в ней неизведанное. Так, нельзя не вспомнить о мировой премьеры блестяще сыгранных им Семи фуг Грига, незадолго перед тем найденных. Его диск с записью сочинений Шопена назван "Лучшей записью 1997 года" ("Deutsche Grammophon"). Также нельзя не отметить непревзойденное исполнение написанных им переложений для фортепиано симфонических сочинений, в первую очередь сюит из балетов Чайковского "Спящая красавица" и "Щелкунчик". Впрочем, любое выступление пианиста Плетнева — событие, доставляющее эстетическое наслаждение, будащее мысль.

ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ ЧЕРТОЙ ПЛЕТНЕВА-МУЗЫКАНТА является его неуклонное движение вперед. В этом движении ко все более глубокому постижению и раскрытию Музыки до сих пор у него не было не только самой малейшей остановки, но даже какого-либо притормаживания. В 1990 году 33-летний успешно концертирующий пианист Плетнев поразил культурную общественность страны, основав Российский национальный оркестр — РНО. Еще в самом начале победительной карьеры пианиста, в 1980 году, Плетнев попробовал свои силы в управлении оркестром, после чего, ощущая настоятельную в том потребность, он неоднократно выступал со многими симфоническими коллективами